

Александр Термано
цыганские
СТИХИ

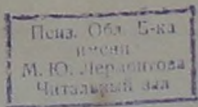
АЛЕКСАНДР ГЕРМАНО

ЦЫГАНСКИЕ СТИХИ

Перевод с цыганского

27323 Д
Бродского, Вл. Бугаевского, Льва Длигача,
Семена Липкина, Арс. Тарковского,
Бориса Турганова

Под редакцией В. КАЗИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОРЕЛ

областного Совета депутатов
трудящихся

1941

Да, только здесь дано цыганам
Вздохнуть свободней, наконец.
Лишь здесь нужде цыганской внемлют,
Лишь здесь — вот радостная весть! —
С кибиток кочевых на землю
Нам предлагают пересесть.

*(Из пьесы А. Германо „Жизнь
на колесах“, перев. Лев Пеньковский).*

ОТВЕТ

Ты спросил цыганского поэта.
«Для кого ты песни в дар принес,
Для чего нужны нам песни? Это
Непонятный для меня вопрос».

Кто же скажет, для чего ветвями
Машут величавые стволы,
Отчего витает над цветами
Тонкое жужжание пчелы?

Ты спроси широкую поляну,
Где когда-то табор твой стоял,
Для чего ночами неустанно
Ветер над шатрами распевал.

Ты скажи—зачем весною птицы
Трель свою рассыпали опять,
Отчего, едва успев пробиться,
Начинает ручеек журчать.

Нужно ль петь ручьям, лесам и пчелам?
Между нами нерушима связь!
Полон мир созвучием веселым—
Значит в сердце песня родилась,

СЛОВО СТАЛИНА

Выше тучек — горная вершина,
Тверже нет—оружия стального,
Нет могущественней исполина
Чем большое Сталинское слово.

Как денница вечно молодая
Наполняет светом все живое,
Так в сердцах людей, не увядая,
Это слово зреет огневое.

Я сравню его с орлом парящим,
С горным я сравню его потоком,
И со шквалом я сравню, дробящим
Все преграды на пути высоком.

Поутру гудкам заводским внемлю,
Слышу скважин нефтяных биенья,
Слышу: тракторы взрыхляют землю,—
Это—слова твоего творенья!

Матери страны моей родимой
Это слово напевают детям,
И боец--броней неуязвимой
Защищен могучим словом этим.

Жизнь твоя близка и дорога нам,
По-отцовски ты цыган приветил,
Светит слово Сталина цыганам,
И теперь наш путь широк и светел.

Это слово нам—путевка в счастье,
Больше нет страдания былого,
И теперь никто, никто не властен
У цыган отнять родное слово.

Не скитаясь больше, не кочуя,
В песнях наш народ тебя прославил.
Умирающих цыган врачуя,
Ты их твердо на ноги поставил.

Ты повел нас против рабства злого,
Ты любим любовью всенародной,
И стальное Сталинское слово
Нам звездой сияет путеводной.

ПУШКИНУ

Нет,
ты не побежден столетием суровым,
Над миром,
как металл, звенят твои слова,
Сердца живых людей
ты зажигаешь словом,
И сам ты жив, поэт,
пока
 строка
 жива.
Стреляя в грудь певца,
 коварная эпоха
Свинцом прошла
 сквозь все горячие сердца,
И содрогнулся мир
 от пушкинского вздоха,
От страшного его,
 от раннего конца.
Но ожил ты, певец,
 и зазвучал чудесней

Твой голос молодой
в свободные года;
Цыган,
калмык,
тунгуз
с твоей бессмертной песней,
С твоим живым стихом
сроднились навсегда.
Ты в сталинские дни
стоишь среди любимых,
Прекрасных,
молодых
и радостных имен,
И чувствует народ
в стихах неугасимых
Дыхание
развернутых знамен.

ДУГАНО

1.

Ах, ты луна моя, пьяная бочка,
Хмель твой меня закружил наконец,
Звезды бегут, как за кочкою кочка...
Ну-ка, пляшите, как я, молодец!

Хлопни кнутом своим, ветер летучий!
Горек отстой полуночных отрав.
Брат мой, утешь меня, в черные тучи
Наше цыганское солнце загнав.

Пьян ты, мой лес, но не пьян твой Дугано,—
Поговори же со мной наяву,
Кровь остуди мою влагой туманной,
Сыпь мне на плечи сырую листву.

Иль ты не слышишь дугановых жалоб,
Злая земля, нерадивая мать?
Капля росы на глаза мне упала б
И помогла бы мне на ноги встать.

Душу огонь опалил окажный—
Черного пламени полный стакан.
Хочется крикнуть:
— Простите, цыганы!
Нынче, цыганы, Дугано не пьян.
Полно орать, как на свадьбе вороньей,
Спойте «Машурку», как в прежние дни.
— Ну-ка, скажи, где колхозные кони?
Старый Бадар, хоть словцо пророни.

2.

По выцветшему небу расстелила
Заря свою малиновую шаль,
Клубился над болотом седокрылый,
Глухой туман, и зеленела даль.
Перед шатром дырявым дотлевало
Под пеплом уголье костра.
Над ним,
Проголубев, как лезвие кинжала,
Встал до небес остроконечный дым.
Вот-вот в кустах равнины многогорбой
Проснется ветер, полетят вразброс
Сухие листья;
Огненная торба
Просыплет крупный золотой овес.
Лежит Дугано за шатром.
Лоснится
Небритое землистое лицо,
И на губах припухших шевелится
Проснувшихся зеленых мух кольцо.

Храпят в шатрах, задернутых коврами,
Ребята голые, задрав носы,
А рядом спят с открытыми глазами
Громадные вз'ерошенные псы.
Вздыхают на перинах жены.

Сразу

Подумал бы, что ни одна не спит,
А там—Бадар хохочет пучеглазый,
Жилет трясется, на сторону сбит.

Смешно Бадару:

— Соловьи-цыганы!

Моя ли, черти, глотка не крепка!

Гляди: я трезв, а хмель свалил Дугано.

Буди, Кирнач, пить водку дурака.—

А дым плывет у Кирнача из трубки;

Забормотал:

— Пускай поспит еще,

Пусть парню божьи видятся голубки...—

И голову склоняет на плечо.

Бадар другого и трясет и будит,

В лицо дымящим тычет чубуком.

— Гей, Миха, встань, не то он позабудет,

Зачем поили.

Выспишься потом.—

...На пуговицах медных и стеклянных,

Как в каплях, солнце вспыхнуло опять.

Дремал Бадар, и голоса цыганок

В шатрах гудели:

Жены шли гадать.

3.

Густеет вечер над равниной,
 Чадят вишневые костры,
 И точно город муравьиный,
 Кипят холщевые шатры.

Белеют рваные рубашки.
 Обиды, суетня, щелчки,
 Впервой табачные баяжки,
 Играют дети в «дурачки».

А нищета в шатрах бормочет:
 — По деревням не верят нам,
 Теперь никто гадать не хочет,
 Напрасно бродишь по дворам.

В котел из рук старухи древней
 Летит все то, что довелось
 Цыганкам выпросить в деревне,
 Исхоженной и вкривь и вкось.

Покинув теплые перины,
 Бородачи уселись в ряд;
 Молчат, почесывая спины,
 Зевая, на огонь глядят.

4.

И снова у телег скрипучих
 Ночная тьма, костры ночные,
 Молчанье волчье, окрик пьяный
 И трепет песен горловых.

А за проселочной дорогой
Огни блаженные мерцают,—
Там отдых после дня работы,
И радость ходит по домам.

По вечерам в полях далеких
Иная песня, жизнь иная;
Спокоен сон больших амбаров
И полудрёма лошадей.

Бадар косит орлиным глазом,
Огни мерцающие видит,
Кипит душа,—а кони в стойлах,
Чужие кони в стойлах спят.

А сердце и поет и ноет,
Растет надежда кочевая,—
Еще в три пальца свистнет хитрость
Отвяжет привязи обман.

Пока поджаривали сало,
Пока Петунья ворожила
Над шкуркою летучей мыши,
Чтобы Дугано повезло.

Пока бородачи молчали,—
Бадар тянул, как дым из трубки,
За словом слово, и Дугано
Стоял и слушал злую речь;

Поддакивал, но слушал плохо:
Его с ночного перепоя
Еще трясло, еще мутило,
Еще болела голова.

И старики его толкали:
— Что, как дурак, стоишь? Ты слушай:
Бадар сказал — удача будет,
Бадар о деле говорит.

— Что говорить? Настанет осень,
Табун на воле закочует,
В колхозе буду, если примут.
Мне все понятно. Не учи!—

Дугано хлопнул по колену
И засвистел Бадару в ухо:
— Бадар, твоими будут кони!—
Тот — руку на его плечо:

— Дочь за тебя не жалко выдать,
Бадару будешь милым зятем,
Ходи, цыган, ходи, Дугано,
В моих штанах и сапогах.

Прокатится по миру слава,
Цыгане загалдят другие:
«Вот удалец — цыган Дугано,
Куда как счастлив и богат!»

Неси ему, Петунья, счастья,
Скорей Дугано дайте водки!
Пляши перед Дугано, дочка,
Пляши, красавица моя!—

Бадар! закаркал пучеглазый,
И вновь душа затосковала,
Вновь кочевой бедняк Дугано
Зарю в стакане утопил.

— Гей, сердце, гей, не разрывайся!
Гей, дочка, поводи плечами!—
Целует и губами салит,
В стакан дуганов льет вино.

5.

Ах, голова моя, торба пустая,
Камня тяжеле ты тянешь меня...
Дался вам в руки, так смейтесь над пьяным.
Пьяная трезвою стань, голова.
Дайте мне сладить с проклятым дурманом,
Мокрые травы, сухая листва.
Слушайте! Сучьев сухих не ломайте.
Стала душа моя ломкой, как лед.
Искры развеите, костры разбросайте.
Огненный червь мое сердце сосет.
Люди пришли, принесли кнутовище;
Зубы я сжал — разомкнуть не смогли.
Вот и лежу я — затравленный нищий—
В яме набухшей и потной земли.

Эй, Бадар, седое сердце,—
 Слушай, волк бродячий!
 Все, с чем ты навек сроднился,
 Брось в костер горячий.

Тяжелы телеги наши.
 Гей, седобородый!
 Берегись, — тебя раздавят
 Мчащиеся годы.

Все пути твоих кочевий
 Выжжены, — так что же
 Ты, Бадар, Дугано тянешь
 В темень бездорожий?

Позабудь, коль можешь, удаль,
 И коней, и водку,
 Ту глухую, ту степную
 Темную погоду.

Ты земли рукой касался—
 Била кровь под тучи,
 Кони черные бежали—
 Стлался вихрь летучий.

Взглянешь на замок пудовый—
 И замок пудовый
 Треснет хрупкою скорлупкой,
 Отойдут засовы.

Где твой кнут свистел и хлопал—
Птицы не летали,
Где твоя нога ступала—
Листья увядали.

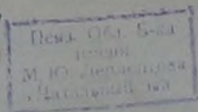
Если ночь была, как деготь,—
Ты летал совою,
Ты поил случайной кровью
Землю пред собою.

А бедняк не приглянулся—
Бросишься, нагонишь
И цыганские в овраге
Кости похоронишь.

Долетал разбойный посвист
Из полночной дали,—
Мы детей своих будили
И в леса бежали.

Ты полжизни в тюрьмах прожил.
Твой хребет широкий
Помнит ссадины, и раны,
И кровоподтёки.

Годы злые не тебя ли
На руках носили,
Черной злобою и волчьим
Молоком поили...

Вырос ты, гулял на воле
И взлетал бураном,
И была тоска и злоба
В сердце окаянном.

Посмотри: лучи играют
На земле, как дети,
Ты омой скорее сердце
В этом ясном свете.

Все пути твоих кочевий
Выжжены.
Так что же
Ты, Бадар, Дугано тянешь
В темень бездорожий?

7.

Веет ветер, шуршит и смеется пшеница,
Поднимается солнце над гладью степей.
Как пшенице, и солнцу, и ветру ужиться
С человеческой думой, что ночи темней?

Убегает тропинка в затишье лесное.
Птичий щебет.
А небо течет, как река.
Осторожные травы и сонная хвоя
Никогда и не знали, что значит тоска.

Вот проходит Дугано и полем и лесом,
Слышит — ветер навстречу:

Он тих, богатырь.

— Что ты, ветер, притих под зеленым
навесом?

Или гнев твой смирила веселая ширь?—

Ты, Дугано, водой ключевою, холодной,
Опаленное сердце омой и взгляни

Молодыми глазами на встречных.

Свободны

Пусть глаза твои будут, как светлые дни.

Нехватило ли нежности матери старой,
Чтоб от вражьего глаза тебя охранить,
Иль не можешь себя уберечь от Бадара,
Иди жизнь ты запутал, как путают нить?

Надоело ли рощ и полей постоянство?

Положи-ка под голову старый мешок,

Полежи, отоспись от бессонного пьянства,

Отдохни, чтобы сладить с Бадаром ты мог.

Выбрось заговор старой Петунии.

Доколе

Душу будет морочить раскрытый обман?

Дышит старым обманом цыганская воля,

Суматоха кочевий, недоля цыган.

Чем слабее земля, тем репейник упорней.
Живы корни клокочущей кровью земли.
Так Бадара несытые, цепкие корни
В молодое дуганово сердце вросли.

Над пшеницей тепло золотое струится,
Светит солнце, и звонок разбег тишины.
Но—ни солнце, ни степь, ни поля, ни пшени
Воровским, беспокойным глазам не нужны

И проходит Дугано дорогой отлогой—
И тревожные мысли летят под откос.
Окликает прохожих:
— А где здесь дорога,
Где, прохожий, дорога в цыганский колхоз

8.

Двери глухо заскрипели,
И вошел Дугано в хату.
Белы стены, белы двери,
Занавеска на окне.

Граммофон на этажерке,
Книжный шкаф стоит в простенке,
На стенах висят портреты...
Скажешь — доктор здесь живет.

И стоит, глядит Дугано
На портрет того, кто вывел
Угнетенные народы
Из глухой, кромешной тьмы.

Сталин смотрит на Дугано
Из широкой красной рамы,
Словно спрашивает Сталин:
«Почему кочуешь ты?».

Шапку снял свою Дугано.
Перед ним семья за чаем—
Муж с женой сидят и дети.
И Дугано говорит:

— Здесь цыганский председатель?—
В полуформенку одетый
Поднимается хозяин,
Отвечает:
— Это я.

Запинается Дугано,
Шапку мнет в руках:
— Я с поля...
Надоело мне кочевье,
Жизнь измучила меня.—

Опустил глаза Дугано,
Председатель стал бок-о-бок.
— Что ж, показывай бумаги,
Расскажи, что делал ты?

Торговал ли ты на конной,
Промышлял ли конокрадством,—
Говори, скрывать не стоит,
С кем и как ты кочевал.

Я и сам был прѣжде темный,
Сам бродил по белу свету.—
А Дугано крепко помнит,
Для чего сюда пришел.

— Что ж, иди работать в поле,—
Принимаю до собранья.
Там посмотрим, а покуда—
Гей в бригаду Черныша.—

9.

Как колос, послушный звенящей косе,
Склоняется день утомленный.
И что ни заря—то полней и полней
Амбаров огромное лоно.

И радостно день наступающий встречать
В домах, обнесенных оградой.
И песни цыган, зазвенев на заре,
Поля овевают усладой.

Три года, как новою кровью полна
Цыганская древняя доля,
Не плачет уже кочевой бубенец
В степи средь ночного раздолья.

И скорбная прелесть таинственной лжи
Развеялась сном неправдивым,
Века беспробудных скитаний степных
Окончились радостным взрывом.

Как долго с ученым медведем бродил
Земфиры отец по дороге,
Вздымались дырявые полы шатра,
И стыл его ужин убогий.

Алеко, напрасно забытый покой
Ты в песнях отыскивать будешь—
И кровь, утомленную бурей страстей,
В цыганском шатре не разбудишь.

И памятни только тебе одному
Ленивых кибиток скитанья,
Да друг твой Бадар—конокрад и кулак—
Чтит жизни ушедшей преданья.

Алеко, укрывшийся за рубежом,
Тебе наш обычай неведом,
Так знай, что поспорил цыганский колхоз
На первенство с новым соседом.

И в зное медвяном, как в банном пару,
Мелькают часы неустанно,
И дружно по полю бригада идет,
Но всех обгоняет Дугано.

Черныш, бригадир, о тебе говорил
В час отдыха старым цыганам:
«Вот новый товарищ к работе привык,
И будет опорой нам он».

Длился полночью немой
 Тайный сговор у оврага.
 — Правда ли, Дугано?—
 Старый Миха и Кирнач
 Приходили от Бадара.
 — Правда ли, Дугано?—
 До осенней ждть поры
 Уговор держал ты с ними.
 — Правда ли, Дугано?—
 Слышал ты, что наш колхоз
 Получил коней отборных.
 — Правда ли, Дугано?—
 К председателю пришел,
 Ты просился на конюшню.
 — Правда ли, Дугано?—
 «До осенней жди поры».—
 Молвил слово председатель.
 — Правда ли, Дугано?—
 «До осенней ночи жди»,—
 Ты велел сказать Бадару.
 — Правда ли, Дугано?—
 Миха и Кирнач ушли,
 И пришло к тебе раздумье.
 — Правда ли, Дугано?—
 Ты подумал, что в колхоз
 Приняли тебя, как брата.

— Правда ли, Дугано?—
Вот вошел и ты в колхоз,
Как в семью свою родную.

— Правда ли, Дугано?—
В гости запросто тебя
Приглашает председатель.

— Правда ли, Дугано?—
Разговор ведет с тобой
О политике советской.

— Правда ли, Дугано?—
Говорит:

«Ты парень свой,
Работающий и толковый».

— Правда ли, Дугано?—
И цыгане говорят:
«Вот кого бы нам в правленье».

— Правда ли, Дугано?—
Слово держишь на замке.
И на ключ ты сердце запер.

— Правда ли, Дугано?—

11.

Выплыла плакучей тучей
Осень, лужами дрожа,
Отзвенела песней лучшей—
«Здравствуй, новый урожай!»

Темнота сокрыла дали,
Рано вспыхнул свет в домах,
Зашуршали шелком шали
У цыганок на плечах.

Что с парнями, в самом деле?
Щеки бритые блестят,
У порога клуба сели,
А лады гитар звенят.

Кто степенней—в коридоры,
Кто моложе — тот во двор.
А в дыму табачном—споры,
Как пчелиный разговор.

За столом, сукном покрытым,
Разговор о нем ведут:
— Эй, проснись, Дугано!
— Спит он?
— Счастье прозеваешь тут!

И Дугано потянулся,
Сонные глаза поднял.
Председатель улыбнулся,
Вызывает через зал.

— Ты, Дугано, премирован:
Сапоги прислал район.—
Тот глядит, как дикий ворон.
Шум и смех со всех сторон.

Сапоги Дугано поднял
И пощупал голенища.
— Ничего, — сказал смущенно, —
Дорогие сапоги...

Для коней слова имею,
Что ответить вам — не знаю.
Нам худых коней прислали.
Каковы теперь они?

Говорит вам всем Дугано:
Наши кони будут лучше,
Лучше, чем во всем районе!
Что ж еще сказать мне?
Все!..

12.

Звезды зажглись — и Дугано томило в ночи
сновиденье:

Вырос он великаном до самого синего неба.
Стала телега широкой, такой, что ее не
уставишь
От заснеженного моря до теплого южного
моря.

Думает бедный Дугано:

«Ну как кочевать мне, такому!

Слишком просторы малы мне, дорога тесна
столбовая».

Он подзывает Бадара и хочет спросить его
«Где же
Конь богатырский найдется, чтоб вытянуть
эту телегу?»
Сразу Бадар заприметил, что ходит Дугано
в обнове.

Похолодело под сердцем:
«Ишь, старый разбойник, увидел!»
Глаз тот с сапог не спускает, чуть с ног и
не рвет:

—Покажи мне!
Где ты украл их, сапатый? Откуда достал
ты такие?—

Трудно Дугано обидеть, а здесь разозлился
Дугано,
Так разозлился, что даже чуть не попался
с Бадаром.

— Что сапоги обижаешь, пятнаешь
разбойничьим словом?
Мне их товарищ высокий выдал за труд
мой в награду.—

Но не отстать от Бадара. Хитрый, он лезет
—Дугано,
В карты сыграем с тобою, — и грязную
вынул колоду.

Как от него отвязаться, не знает Дугано—и
смотрит:
Карты в руках очутились—и карта дуганова
бита.

Сутки Дугано играет. Штаны проиграл. На
другие
Отдал рубаху, на третьи — поддевку с
плеча он снимает.
— Вот к сапогам и добрались! — Бадар
подмигнул:
— Отыграйся!—
Тянется он к голенищам, он щупает
гладкую кожу.
— И сапоги проиграю!—и в горло вцепился
Бадару.—
Что ты задумал, разбойник? Мне власть
сапоги подарила!
Как ты касаться их смеешь?...—и насмерть
сдавил конокрала.

13.

В темноте вскочил с постели,
К сапогам метнулся он:
Тут они, не улетели.
И тотчас — из хаты вон.

Сторож парня заметил:
— Что ты пробуешь замок?
За конюшню я в ответе—
Кто б коней не уволок,

Обругал его Дугано,
Провалился вновь во тьму.
— Что-то конюх нынче странный.
Что он ищет, не пойму!

14.

В конюшне осенние дни проводил он
И редко когда от коней уходил.
В тяжелых, дырявых опорках ходил он
И часто до ночи с конем говорил.

Дугановы очи метали угрозы,
Когда возвращали со сбитой спиной
В конюшню коня:

— Заморили без пользы!—

Хлестали коня на работе дневной.

— Лошадников, что ли, на свете не стало!
У них для коня нет ни ласки, ни слов.
Немало хороших коней погибало
У слабых хозяев от крепких кнутов.—

Он с лошадыю каждой был ласков, но все же
Каурого больше других полюбил.
Каурый был полон таинственной дрожи,
Опутанный весь паутиною жил.

В конюшне стоял от других он поодаль,
Стборный овес засыпали ему.
Дугано коня никому бы не отдал,
И конь подчинялся ему одному.

И кони жевали хрустящее сено,
Зеленая пена текла по губам.
Дугано глядел — и твердил неизменно:
— Нужны только сильные лошади нам.

15.

И день непогоды осенней настал.
Выл ветер, как зверь, и по стеклам хлестал,
В колхоз ввечеру заходили тайком,
И Миха в конюшню входил с Кирначом.

А засветло сторож рассказывал всем:
—Его я сперва не заметил совсем,
Да слышу—в конюшне, уздечкой звеня,
Как будто бы кто-то седлает коня.

Гляжу я—Дугано! «Что рано?» В ответ
Как гаркнет Дугано:
«Пропустишь иль нет?!»
И, свистнув, каурого тронул кнутом
И тотчас же скрылся во мраке ночном.

16.

И целый день шумят в колхозе,
Ползет из хаты в хату весть,
Шершавым языком коровьим
Она облизывает всех.

Нашептыванья, пересуды,
Проклятья, суетня и злость...
Здесь и сомненья, и надежды.
— Далеко не ускачет он.

Одни его вчера видали:
Он дома ночью водку пил,
И незнакомым двум цыганам
Он в чем-то клялся головой.

Давно другие догадались,
Что ночью, прихватив коней,
Сбежит когда-нибудь Дугано.
Теперь, гляди,—и след простыл.

— А мы своим его считали,—
Он справедливо рассуждал,
Мы слушали его с охотой,—
Так третьи возражали им.

И долго слушал председатель
И молвил, трубкою дымя:
— Друзья, не бойтесь. Он вернется—
Его обратно конь вернет.

Ночью встревожены были промчавшимся
криком цыгане.
Куртки на плечи накинув, все выбегали из
хат.

Женщины в окна глядели.—

К председательской хате саманной
Люди сбегаются. Люди, как пчелы, над
ульем гудят.

Каждому надобно вызнать. Скорей бы
протистнуться к окнам.

Жадной толпою толкуются, стоят у закрытых
дверей.

Что приключилось, цыгане, кого там еще
принесло к нам?

Что же случилось — ответьте! Да говорите
скорей!

Чей это голос знакомый? — И что он
кричит, завывая?

Сам ли вернулся Дугано, пригнан ли силою
к нам?

Кто, обесчещенный, стонет, лицо от окна
отвращая,

Жметя в углу и ярится, связан вожжой по
рукам?..

Долго в сенях толковали, рассказывали,
как Дугано

В'ехал верхом на кауром. Ехал он издалека,
Вел за собой на веревке, точно коня на
аркане,

Жирного злого цыгана—и гикал, и вел
старика.

И разошелся Дугано, разбушевался Дугано
Вдоль по деревне гуляет звериный,
тоскующий крик.
Кажется — стены дрожат председательские
хаты саманной,
Кажется—в горнице вихорь могучий и
грозный возник.
Шапку швыряет Дугано и гневно стучит
каблуками,
Слушающих он хватает за полы и за рукав
— Вот кто виновник, цыгане, — смотрите,
стоит перед вами!
Вот конокрад, что шептал мне в уши
дурные слова.
Стал я другим, председатель! Смотри же,
товарищ, не ты ли
Веки приподнял мои и советскую власть
показал.
Знаю; рабочие люди мне сапоги подарили
Дал мне работу — рабочий и руки мои
развязал.
Как же, Бадар, ты задумал купить мою
душу за водку?
Клятву снимь с меня, старый... Чего ж ты
проклятый, молчишь?
Клятва моя, как железо, держит Дугано
глотку.
Держит Дугано за глотку Петунья—
летучая мышь.—

Вырвал подкладку Дугано из шапки в
смятении диком,
Шкурку сухую он треплет и на пол бросает
ее,
Топчет ее, точно пляшет со свистом, и
криком, и гиком:
— Старое наше цыганство! Седое, глухое
житье...

О КОНЕ

«Здорово, Былинка!» — кричу на рассвете,
И ржет мой буланый, заслышав меня.
Сегодня, дружище, в поход собирайся! —
И вот к водопою повел я коня.

И долго любимца по шее трепал я,
Он привой потряхивал, в мускулах — дрожь.
Умен ты, как люди, мой конь! — Издалека
Ты чуешь мой голос, мой шаг узнаешь!

Он знает мой запах, и руки, и ноги, —
Меня до прожилок мой конь изучил!
Лишь крикну: «Былинка, твой Бубно
явился!» —
Он мигом воспрянет, исполненный сил.

Любите, любите коней быстроногих,
Любите как братьев, как душу свою, —
Он вам не изменит, скакун окрыленный,
Ни в дальнем походе, ни в смертном бою.

Мой конь, мой буланный, он знает и любит
Цыганских напевов цветистый огонь.
С веселою песней пойдем к водопою,
Былинка, Былинка, удамый мой конь!

Я новые песни сложил огневые
Для дальних походов, для бурных боев.
Он песни мои узнает во мгновенье,
Чужих сторонится напевов и слов...

С вопросом товарищи недоуменным:
«Где конский постиг ты, дружище, язык?»
Товарищи в шутку твердят, что наверно,
Я—приворотень, потому и постиг.

Друзья дорогие! С младенчества кони
Носили меня средь лесов и степей,
Носили годами по трактам далеким
И небо одеждою было моей.

Мой род—он восходит к далеким столетьям,
В минувшем теряется прадедов след.
Одно лишь я знаю, что нас не однажды
Ретивые кони спасали от бед.

Я как-то спросил у отца у седого:
«Где свет я увидел?» — Замялся отец,
«На шляхе каком-то, а где—позабылось...
В кибитке у деда», — сказал наконец.

Друзья дорогие, я не обижаюсь,
Пошучивайте, — только просьба одна:
Меня «королем» не зовите «бубновым»,
Фамилия Бубно—от деда она.

У барина конюхом был он когда-то.
Не стало коней—и пропал человек.
Недолго возились: «бубновый» на спину
Навесили «туз» и — угнали навек.

Семейство тогда отобрали у деда,—
С тех пор величали все Бубнами нас...
Эх, с кем не случалось! Сейчас, в эти годы,
Другим был бы дед,—жил бы вольно
трудясь.

И эти года от врагов стерегу я
С товарищем верным, буланым конем...
Надвинется враг—я ему не отдам их:
Врага повстречаю я метким огнем.

Любите, любите коней быстроногих,
Любите, как братьев, как душу свою,—
Он вам не изменит, скакун окрыленный,
Ни в дальнем походе, ни в смертном бою.

За горы умчались привастые тучи,
Коней и людей разморила жара,
И стал эскадрон над рекою прохладной,—
Бойцам изможденным на отдых пора!

Покрытые потом, покрытые пылью
Проворно бойцы соскочили с коней.
Походная кухня трубой задымила,
У Бубно глаза—что ни миг—тяжелей.

В бору было тихо, бойцы засыпали,
Лишь конское фырканье стлалось в тени.
Былинка, Былинка, мой конь, мой ретивый,
На травке зеленой и ты отдохни.

Но что приключилось? Рванулся буланый,
Глаза закатил и упал на траву...
Былинка, Былинка, мой друг драгоценный!..
«На помощь, ребята!»—в смятенье зову.

«Кому я отдам сладкозвучные песни,—
Лишь он понимал их и слушать любил.
Какой я цыган! Ведь коня-то не мог я
Для боя сберечь!»—так я, плача, вопил.

В тоске безутешной припал головою
Я к бархатной шее, к глазам неживым.
Горниста призыв раскатился далеко...
Ну, как же расстанусь я с другом своим!

Я слышу бойцов голоса над собою...
Но глаз не открыть, весь я будто в жару.
Вот хохот я слышу: «Заспался ты, Бубно!
Твой конь одиноко гуляет в бору».

Все понял я сразу. Очнулся, вскочил я,
Восторг ощущая в сердце своем,
Бегу... На ресницах не высохли слезы.
О, как распроклятым измучен я сном!

Ликуя, к нему подбежал я, за шею
Схватил, задыхаясь от радостных слез,
И бегал кругом, и глядел я пытливо,—
Быть может, взаправду что-либо стряслось!

Смотрели бойцы, как коня целовал я,
Смеялись, пошучивали надо мной:
«Кровя лошадиные в жилах у Бубно!
Ну-ну, и цыган же ты, Бубно, чудной!»

Друзья дорогие! Шутите, шутите!
Я сон распроклятый видал про коня.
Но смерти случайной скакун мой избегнет,—
Он в бой понесет не однажды меня.

Как в армии Красной я службу окончу,
Скажу я: «Былинка, родной мой, живи!
Пусть новый боец за тобою походит,
Пускай он узнает привычки твои!

Пусть сердцебиенье твое он узнает,
И мускулов крепость, и огненный пыл.
Я песни твои передам, чтобы с ними
До грозного боя тебя он хранил».

Любите, любите коней быстроногих,
Любите, как братьев, как душу свою,—
Он вам не изменит, скакун окрыленный
Ни в дальнем походе, ни в смертном бою.

ЖИЗНЬ ИЗМЕНИЛАСЬ

Вчера еще упрямо верил ты,
Что звезды и луна — отображенье бога,
И под ярмом бескрайной нищеты,
Как волк затравленный, скитался по дорогам.

Да, плелся ты безжизненным путем
У кочевых костров, в дыму шатров дырявых,
Под барским, под разбойничьим кнутом
Изведал царскую кровавую расправу.

Что видел ты? Уныло пел о чем?
Нужда, тоска и тьма... Всегда чужое небо...
Ночные кражи... бегство... А потом
Побой досмерти из-за огрызка хлеба.

К какому счастью нес тебя твой конь?
Ты молча, как и он, тащил хомут свой
нищий...

Куда ты тратил жизненный огонь?
И что добыл отцовским кнутовищем?

И зародились новые мечты
И буйно мчались вдаль все новыми путями.
Отец твой злился:

— Что затеял ты?

О чем ты думаешь бессонными ночами?

Какой ты стал неладный и чудной!

Что ж, испугался ты и степи и дубровы?

Что ж, разлюбил ты табор свой родной?..

Одумайся, сынок, и стань послушным снова.

— О, нет! Река обратно не течет.

Вторично не цветут дни и года, как клены.

— Послушай, сын: нас ночка сбережет

В сыром густом лесу под черною попоной.

В лесу грустит березка по весне...

— О, нет, отец! О, нет... Пылает мысль как
пламя.

Безрадостны кочевья стали мне

И едкий дым костров дождливыми ночами...

Не слышно в поле песен кочевых.

Не слышно топота коней твоих усталых.

И сломан кнут. И в далях полевых

Иголки света в тьму нам солнце разбросало.

Ты бросил путь и дедов и отцов

И смело разорвал хомут былого душный.

И пламя яркое твоих мятежных снов

Льет свет и радость в кочевые души.

ЗЛАЯ ДОЛЯ

Помню песню одну,
Будто слышал вчера:
Горяча, как огонь,
Точно угли костра.

То не ветер родил
Этот звон, этот стон,—
Нет, из сердца возник
Нищей девушки он.

Голос девушки пел,
Проникая в сердца,
Заливаясь в полях,
Точно звон бубенца.

Что ж за песню цыганка
Певала тогда,
Что от ней, замирая,
Бледнела звезда?

И какие ж в той песне
Звенели слова,
Что от них поникала
В тоске голова?

Вот она—
Эта песенка
Старых
Времен,

Вот он—
Белый,
Холодный
Отчаянный стон...

...Слух однажды прошел,
Хасиём, хасиём!
Что жених мой пропал,
Тэ мыём, тэ мыём!*

На дорогу не раз
Я глядела с тоской.
Хасиём, хасиём!
Где же, милый ты мой?

Летний день убирал
Ярким золотом лес.
Что ж мне делать теперь?
Мой любимый исчез.

* „Хасиём“ и „тэ мыём“ — возглас боли, означающий погиб, пропал.

Белый месяц сокрылся
За черною мглой,
А жених не идет
Издалека домой.

Ты мой голос услышь,
Ты услышь его дрожь
Там, где, черный ты мой,
Мой хороший, идешь!

То не ветер летел
Из широких дубрав,
То не солнце сияло
Средь шелковых трав,

То не плыл белый месяц
В небесный простор,—
Появился, пришел
Страшный слух из-за гор.

Ой ты, конь кочевой,
Ты летел во весь дух,
Много сбил ты подков,
Чтоб донести этот слух.

Ой ты, горе мое,
Хасиём, хасиём!
Что мне делать теперь?
Тэ мыём, тэ мыём!

Приуныли в шатрах
Все цыгане тогда,
Их моя доканала,
Убила беда.

В небо чистое дым
Не тянулся в те дни,
И вокруг у шатров
Не горели огни.

Что ж никто не поет?
Нет ни игр, ни потех?
Кто нам петь не велит,
Отнял радость и смех?

Плачет старый отец,
Плачет старая мать...
Что случилось там?—
Ничего не узнать!

И никто не спросил,
Где мой друг, мой жених.
И я поняла—нет
Его больше в живых.

Ветры, ветры! Молю,
Расскажите вы мне,
Отчего он погиб
Да в какой стороне?

Ты не пой, соловей,
А скажи, просвищи,
Что дорогою с ним
Приключилось в ночи?

С шумом ринулись все, —
Старики, детвора —
Все цыгане сошлись
У большого шатра.

И старейший цыган
Вышел в этот же миг,
И сказал нам согбенный
И мудрый старик:

— В эту сторону все
Вы отвесьте поклон... —
Сжалось сердце у нас,
Только вымолвил он.

И сквозь слезы старик,
С волосами, как снег,
Рассказал, что назад
Не придет человек.

Увидали его
Средь большого села,
А как раз перед тем
Там покража была.

Кулаки, богачи
Взвыли, подняли крик:
«Вот он, вор и злодей!»—
И набросились вмиг.

Горе, горе мое!
Хасиём, хасиём!
Нет на свете его,
Тэ мыём, тэ мыём!

Не спросила ни слова,
Ты не лейся, слеза,—
Тут цыганку старик
Кликнул, кончив рассказ

Не звени ты, пчела!
Счастье кончилось вдруг.
Ты не лейся, слеза,—
Не вернется мой друг!

Звезды, звезды! Молю
Мне раскрыть, указать,
Где по белому свету
Мне счастья искать?

Ваш серебряный свет
Льется издали в грудь.
Укажите мне путь.
Как мне счастье вернуть?

Да куда ж я пойду
В бездорожья моем?
Что ж мне делать теперь?
Хасиём, хасиём!

Горе в сердце впилося,
Словно тысячи жал,
Я не знаю, какого
Ты счастья искал.

Ой, ты, горе мое,
Злая, чортова кладь!
Черный мой иноходец
Не хочет бежать.

Люди, люди, скорей
Укажите пути,
По которым к любимому
Мне бы пройти!

Но напрасно рыдать,
Слезы лить ни к чему,—
Не вернется любимый
К шатру моему.

Вот, цыгане, что в давние
Было года,
Вот какая со мной
Приключилась беда.

Много страшных в пути
Нам нанесено ран.
Тяжкой мукой была
Злая доля цыган.

Ночь темна. Холодный ветер.
Иней и туман.
Едет мимо мерзлых ветел
Кочевой цыган.

Ветер свищет, ветер злится,
Покрепчал мороз,—
Повернул коня возница,
Увидав колхоз.

В теплых хатах спят цыгане,
Счастливы мирный труд.
Только он один в тумане
Рыщет там и тут.

ГАНКА

С детства смуглая оборванная Ганка
С табором по свету кочевала.
На стоянках, вставши спозаранку,
На базар за матерью бежала.

Поводила узкими плечами
И плясала, вскрикивая звонко,
Клянчила копейку со слезами,
Не была похожа на ребенка.

Мать народу лгала ворожбою,
Целый день под окнами маяча,
А отец, обиженный судьбою,
Без удач менял на клячу клячу.

И когда ушло в туманы лето,
Умер он, и мать-старуха—вскоре,
И с чужими поплелась по свету
Ганка мыкать таборное горе.

И прошли босые ноги много
Длинных верст за таборным обозом.
Просолили длинную дорогу
Детские бесхитростные слезы.

Были дни черней осенней ночи,
Ночи — безысходнее могилы,
От обиды рвалось сердце в клочья,
И от голода все тело ныло.

А когда укрылся луг снегами,
И совсем лишилась Ганка крова,
Дядя завладел ее конями,
Выгнав Ганку из шатра родного.

И умчались кочевые волки,
Бросив Ганку в чаще старых елей,
И промерзшие сосновые иголки
Жалобно над Ганкою шумели.

Белый снег накрыл сугробом поле.
И метель завывала над лесами.
И от страха, голода и боли
Зарыдала Ганка под кустами.

Ночь скрипела по лесу морозом,
Тусклый месяц плыл над облаками.
На щеках у Ганки мерзли слезы,
И на сердце лег тяжелый камень.

лезы, слезы...

Мир весь залит вами,
человечьи пламенные слезы!

.
друг во тьме сверкнули огоньками
кна недалекого колхоза.

слыхали, разыскали Ганку
спасли колхозные ребята.
живет безродная цыганка
ж не так, как под шатром проклятым.

Улыбаюсь, вспоминая,
Как ты пела у шатра...
Как звенела у шатра
Наша песня полевая.
Вспоминаю, как пылало
Пламя нашего костра,
Жарче пламени костра
Ты венгерку нам плясала.

Меркли звезды золотые,
Даль степная широка..
Даль степная широка
Точно годы молодые.
И костров плясало пламя,
Вилось пламя, как река...
Лес, поляна и река—
Вихрем все кружилось с нами.

Песня, стань цветком весенним,
Солнцем молодости будь!

Солнцем молодости будь,
Мир наполни звонким пеньем.
Песней взвейся сизокрылой,
Нам открыт широкий путь,
И пройдем мы этот путь
С песнею—подругой милой.

Снова круг сомкнется тесный,
Ты ж венгерку пропляши,
Ты венгерку пропляши,
Зазвени веселой песней
В честь цыганской жизни новой.
Наши песни хороши!
Гей, как песни хороши —
Песни счастья трудового.

КОЧЕВОЕ ГОРЕ

(Рассказ в стихах)

I

Тихий вечер. Догорело
Солнце красное за лесом.
Кончена работа в поле,
И колхозники-цыгане
Отдыхают возле клуба
И поют родные песни.
Старый дед приплелся тоже,
Долго слушал, сдвинув брови,
А потом сказал:

— Авэла!

Нам пора забыть, цыгане,
Наши песни кочевые!
Как в клещах, томится сердце
От протяжных, нудных песен.
Сказ послушайте старинный
О цыганском горьком-горе.

* Авэла (цыг.) — довольно, хватит.

Много прожил я на свете,
Много видел я в кочевьях,
Многое забыл, что видел, —
Одного лишь не забуду...
Ну, так слушайте, цыгане!

II

Далеко за лес, за горы
Колесом кровавым солнце
Вакатилось в синем небе.
Было тихо на дороге,
Было тихо и пустынно.
И игривый иноходец
Вонко ржал в тиши вечерней
И подковами о камни
Пулко звякал по дороге,
Да убогая повозка
Скрипом колеса кричала
О цыганском древнем горе.

III

Конь бежал из городишка,
С ярмарки, что там бывала
Каждый год в престольный праздник.
Каждый год туда цыгане
Приводили на продажу
Пошадей и там искали
Свое счастье кочевое.

Эх ты, счастье кочевое!
Эх, дурацкое ты счастье!
Сколько ты голов вскружило!
Сколько было слез пролито
От тебя в кибитках драных!...

IV

По полям, меж перелесков,
С грохотом кибитка мчалась,
Заливался колокольчик
Под дугой о чем-то новом.
Пел о радости он звонко,
Пел о счастье, об удаче,
Пел о том он, что Галуно
Продал двух коней крестьянам, —
Продал хорошо Галуно!

V

«Ну, лети, мой иноходец!
Ты к шатрам лети быстрее!» —
И кнутом ударив лошадь,
Голосом охрипло-пьяным
Так сказал жене Галуно:
«Женка, что же ты не скажешь
Мне, что счастлива и рада?
Погляди, — у нас в повозке
Все есть, что тебе угодно.
Первым долгом — много водки,
Во-вторых — крупа и сало,

В-третьих — хлеб, колбаска, сахар,
Даже мед есть для детишек...
Ну-ка, женка! Спой-ка песню
Ты о том мне, как умело
Барыши взял твой Галуно!»

VI

Но усталая Параня
В уголку своем молчала
И одной рукой ребенка
Нянчила, другой же тряпки
На коленях разбирала.
И сынок, красавец Кося,
Спал по-детски беззаботно;
Ведь у матери родимой
На груди тепло и мягко, —
Что еще малютке нужно?
А другой сынок, Бануко,
Все прислушивался чутко
К пьяной болтовне отцовской.
А отец в хмельном угаре
Все хвалился барышами,
Все твердил, что он героем,
Что большим, большим героем
Стал среди цыган сегодня,
И, набив покрепче трубку,
Он опять пристал к Паране:
«Спой мне песню, как умело
Барыши взял твой Галуно!»

Подняла глаза сердито
 И ответила Параня:
 «Что ты, пьяница, бормочешь?
 Что мою ты тянешь душу?
 Ты скажи, купил ли детям
 На рубашки, на штанишки?
 Ты купил ли мне на платье?
 Стыдно мне других цыганок,
 Что хожу я оборвашкой,
 Что хожу всегда босая...» —
 «Жёнка! Хватит! Распустилась!
 Подожди,— всему есть время!
 Все куплю, что ты захочешь,
 Для тебя и для детишек.
 А сейчас пропой, как славно
 Барыши взял твой Галуно».
 На жену взглянул Галуно,
 А жена ему слезливо:
 «А с цыганами сегодня
 Сколько пропил ты в трактире?»
 Тут рассвирепел Галуно
 И жену кнутом ударил.
 «Перестань! Авэла! Слышишь?!
 Голова твоя дурная,
 Придорожная гадюка!»

Тихо плакала Параня:
 «Дэвэл-дад!* За что дерешься?
 Приняла за что я муку?
 О, отец родной! Скажи мне,
 Чем пред ним я виновата?
 Где вы, мать с отцом родные?..»
 И, склонив лицо над сыном,
 Горько плакала Параня.
 Горько плакали колеса
 О житье-бытье цыганки,
 И плакучие березы
 На нее роняли ветки.
 Плакала росой дорога.
 Только новый колокольчик
 Пел одну и ту же песню,
 Пел о ярмарке удачной,
 И орал Галуно песню
 И присвистывал от счастья:
 «А пьяный день бежит,
 Как лобрый конь домой.
 Повозка тарахтит
 Моя во тьме немой.
 Пусть пьяный день бежит, —
 Чорт принесет другой.
 Я буду лучше жить
 За чарой круговой...»

* Господи, бог-отец.

Закружились лес и поле,
 Горы, небо и дорога,
 Иноходец и повозка,
 И река в глазах Галуно.
 И трясет его от водки,
 Воротит нутро наружу.
 И, ладонь к щеке прижавши,
 Воет, воет он невнятно:

«А пьяный день бежит,—
 Как добрый конь домой...»

Он ругается и злится—
 На кого, и сам не помнит,
 И опять гнусаво тянет,
 Повторяя ту же песню
 Все невнятней и протяжней:

«Пусть пьяный день бежит,—
 Чорт принесет другой.
 Я буду лучше жить
 И водку пить рекой.
 А пьяный день бежит..»

Вот и вожжи ускользнули,
 Выпал кнут из рук Галуно.
 И Паране, засыпая,
 Он грозит, грозит расправой.

Звякал тихо колокольчик.
 Теплый ветер, пробуждаясь,
 Уносил куда-то в дали
 От повозки звон унылый.
 Спал мертвецким сном Галуно,
 Спал и маленький Бануко,
 Только лишь малютка Кося
 Плакал на руках Парани.
 Конь подковами уныло
 Звякал по дороге белой,
 Утопавшей в лунной мути,
 Да колесами скрипела
 Нудно ветхая повозка
 О шатровой тяжелой муке,
 О цыганском древнем горе.

XI

Неба длинная попона
 Растянулася высоко.
 Как подкова, месяц ясный
 Смотрит с облачного неба,
 Проливая на дорогу
 Молоко свое ночное,
 И кнуты зарниц стегают
 Облаков седые гривы.
 Тихо в небе. Тихо в поле.
 Тихо в дальних перелесках.

Птицы спят. Спят люди, звери.
Целый мир заснул безмолвно.
Безмятежно, беззаботно.
Как все тихо! Как спокойно!
Как прекрасно все на свете!
Сколько радости таится
В ласковой улыбке ночи!
Как прекрасно жить! Как светел
Путь подлунный человека!
Только сердце у Парани
Билось все больней, тревожней,
Словно камень придорожный
Кто-то в глубь его закинул.
Почему цыганке плохо?
Почему цыганке тяжело?
Почему цыганке страшно
От улыбки лунной ночи?
Что случилось с молодою?
Почему такая мука
В сердце заползла змеею?
«Что-то будет?.. Что-то будет?..
Что-то страшное стрясется!..»—
Думает она тревожно,
Восьмимесячного Косю
На груди своей высокой
Крепко к сердцу прижимая.
«Ты не плачь, не плачь, любимый!
Что ты, счастье мое, плачешь?»

Скоро до шатров с тобою
Мы доедем, птенчик милый.
Спи ты, Кося! Вот и речка,—
Нам осталось недалеко».

XII

Смотрит на реку Параня,
Смотрит, как сверкают волны,
Отливаясь в лунных бликах
Серебром и жемчугами.
Через волны речки тихой
С берега на дальний берег
Лунная легла дорога.
Вдоль дороги хороводом
Пляшут звездочки, купаясь
В серебре волны безмолвной.
Смотрит вокруг себя Параня,
И ей вспомнилось, что дома,
Там, в шатрах, в лесу зеленом
Их, должно быть, поджидает
Мать у сгорбленной кибитки
Над костром полупогасшим.
И отец ворчит сердито
И ругается, что снова
Опоздала дочка с зятем.
И мать думает тревожно:
«Пьет опять, опять Галуно,
Пьет опять, швыряет деньги,
Барыши все пропивает».

Мать на угольках гадает
О судьбе своей Парани
И отцу ворчливо шепчет:
«Все уже в шатры цыгане
С ярмарки давно вернулись,
Привезли с собой подарки
И давно все спят спокойно...»
И отец ей отвечает:
«Верно, что-нибудь случилось...
А он с ярмарки сегодня
Обещал табак хороший
Привезти мне непременно...»

XIII

Призадумалась Параня...
Вдруг послышался ей конский
Впереди далекий топот.
Ближе топот и слышнее...
И уж видно, как из мрака
На конях верхом, как ветер,
Мчатся люди по дороге.
И тревожно вдаль Параня
Смотрит, женским сердцем чуя
Полевой цыганский ужас.

XIV

Смотрит робко вдаль Параня,
И стучит надрывно сердце
В ней от страха кочевого,
И в уме теснятся мысли,

Черные, как тени ночи!
«Видно, что-нибудь случилось,
Что-то скверное случилось,
Если ночью мчатся люди
По полям быстрее молний...»
И от страха сжалось сердце.
И трясет цыганка мужа:
«Эй вставай! Вставай, Галуно!»
Но храпит Галуно пьяный,
Ничего в хмелю не слышит.
«Эй, вставай! Гляди, Галуно:
По дороге злые люди
Бурей скачут нам навстречу!»
Все страшней, страшней Паране.
Все сильнее трясет, толкает
Мужа пьяного цыганка
И кричит ему над ухом:
«Ну, вставай ты, чорт болотный!
Ну, открой глаза, пьянчужка!
Посмотри вперед, несчастный!
От вина совсем пропал ты...»

XV.

Замычал Галуно что-то,
Смотрит сонными глазами
И никак понять не может,
Для чего его Параня
Разбудила среди ночи.
Что ей нужно? Что случилось?

Ошалела, видно, баба!
И свирепой, скверной бранью
Разразился он спросонок:
«Да отстанешь ли ты, дьявол?
Что ко мне ты прицепилась
Придорожною змеею?
Не звени, как муха! Хватит!»

XVI

Дребезжат, скрипят колеса,
Звонко пляшет колокольчик.
Ошалелого Галуно
Тормошит опять цыганка
И кричит, от страха плача:
«Ах, хомут ты мой несчастный!
Неужель беды не чуешь?
Посмотри вперед скорее,
Голова твоя пустая,
Да проснись, очнись, пьянчуга!
Неужель беды не чуешь?
Ведь пропали мы с тобою...
Эх ты, горе полевое!
Участь тяжкая цыганки!»

XVII

И протер глаза Галуно
И привстал, и потянулся,
И нюхнул полночный воздух,
И опять взял вожжи в руки.

«Эх ты, дура! Испугалась
Ты лесной ночной дороги...
Ты—цыганка кочевая
Или барыня, быть может?»
Пятерней поскреб затылок
И зевнул опять Галуно.
Вдруг он вздрогнул и очнулся,
Шум услышав на дороге.
Тонкий месяц скрылся в тучах,
Тьма окутала дорогу,
И не рассмотрел Галуно
Ничего во мраке ночи.

XVIII

Но все ближе слышен топот,
Вот совсем он поравнялся
С одинокою повозкой,
И во мраке проскакали
Всадники быстрее бури.
Рассмотреть успел Галуно,
Что те всадники — цыгане,
Но чужие для Галуно,
Незнакомые цыгане.
«Эй, цыгане, что случилось?—
Крикнул им вослед Галуно,—
Эй, куда вы так спешите?»
Ничего в ответ не слышно,

Снова топот, снова скачут,
«Гей, пошун ту! Со кэрдяпэ?»*)
И взглянул один, и понял,
Что цыган навстречу едет
На скрипучей на повозке,—
Что цыган Галуно тоже.
И, не сдерживая лошадь,
Прокричал ему:

«Спасайся!

Прячься поскорей, приятель!
Нас погоня настигает
Из деревни недалекой».

XIX

В кипяток упало сердце,
И сознание помутилось
У Галуно и Парани,
Бестолково заплясали
Мысли в головах смятенных,
Как на ярмарке в трактире
Пьяные медведь с вожатым.
Поняли, дрожа от страха,
Поняли, что из деревни
Краденых коней цыгане
Мимо них сейчас прогнали,
Что увидели крестьяне
И теперь в погоню скачут,

*) Гей, слушай ты! Что случилось?

Что пришла теперь погибель
Для Галуно и Парани,
Для Бануко и для Коси.
Разбирать не станут люди:
Все равны для них цыгане—
Все обманщики и воры,
И всех ждет одна расправа.
Уж близка, близка погоня,
И увидят их крестьяне,
Схватят всех в звериной злобе
И убьют здесь, на дороге...
А цыгане-конокрады
Ускакали в сумрак ночи,
Гонят лошадей далеко,
Даже топота не слышно
По большой глухой дороге.

XX

Даже ночь в глазах Галуно
Еще больше почернела.
Кошкой спрыгнул он с телеги
И сорвал с дуги скорее
Звонкий новый колокольчик.
Соскочила и Параня
И детей схватила с воза.
И повел коня с повозкой
Под уздцы с дороги в чашу
Через рвы, и через кочки,
И через сухой валежник,
Ног не чуя под собой,

Отрезвившийся Галуно,
Чтоб не встретиться с погоней,
Чтобы от беды укрыться,
Чтобы горе кочевое
Обмануть во мраке ночи.
Но повозка все кричала,
Все колесами скрипела
О большом извечном горе,
О беде кочевий нищих,
О цыганской черной доле.

XXI

Глубже, дальше в лес, в чащобу,
Прочь от смерти неминучей!
Вот добрались до болота.
Поросло оно осиной.
Ночь черна. Гнилою вонью
Потянуло им навстречу.
Стало холодно цыганам,
Стало страшно цыганятам.
И заплакал вдруг Бануко
И от страха, и от стужи
И, схвативши мать за юбку,
Трясся, словно в лихорадке,
Причитая:
«Страшно! Страшно!»—
«Цыц! Убью! Молчи, чертенок!»
Злобно прорычал Галуно
И взмахнул кнутом со свистом.

И испуганный Бануко
Поглядел на кнут отцовский
И забился под повозку.
Но не унимался Кося:
Восьмимесячный малютка
Ничего не понимает
И погони не боится.
«Пропадем! — сказал Галуно.—
Что скулит он псом голодным?
Молоком заткни скорее
Ему глотку, чтоб не пикнул,
Да укрой его попоной...»

XXII

Донеслись вдруг издалека
Ругань, свист и злые крики.
«Тихо! — прошептал Галуно.—
Люди мчатся по дороге».
Шум услышала Параня,
И сильнее забилося сердце.
«Горе! Горе полевое!
Неужели же мы примем
Муку за чужое дело?»—
И унять старалась Косю,
И трясла его, качала.
Но кричал все громче Кося,
От болотной вони кашлял
И никак не унимался.

XXIII

А за лесом, по дороге
Толпамы бежали люди
И скакали верховые.
И звериной злобой полны
Были крики их и ругань.
Кто с оглоблей, кто с дубинкой,
Кто с ружьем — бежали люди.
«Гей! держи их! Бей их, гадов!
Где пропали фараоны?
Ну-ка, братцы, лес обыщем!
Эй! Пошарим на болоте,—
Верно, спрятались в чашобе..»
Голоса все ближе, ближе.
Люди в лес вошли с дороги.

XXIV

Обезумевши от страха,
На жену с кнутом Галуно
Бросился, как при облаве
Волк, затравленный псарями:
«Почему ребенок плачет?
Пусть молчит! Убью! Услышат!
Пропадем мы все на месте
Из-за чортова ребенка!
Придуши его ты, что ли,
Коль унять не можешь крика!»

Озверел совсем Галуно,
И глаза налились кровью,
И, схватив из рук Параня
Восьмимесячного Косю,
Ляскнул он, как волк, зубами
И сдавил ребенку горло...
Бросилась к нему Параня:
«Что ты делаешь, пьянчуга?
Дай назад мне, дай ребенка!»—
И, вцепившись в Галуно,
Отняла Параня Косю.
Только Кося был недвижим,
Задохнулся, умер Кося.
И, как сноп, без чувств Параня
Повалилася в болото.
А Галуно под повозкой
Весь дрожал, дрожал от страха.

XXV

Ночь прошла. А колокольчик
Не звенел, не пел о счастья.
Солнце встало. Распластался
Голубой шатер небесный,
Лес зашелестел неожиданно,
И по золоту пшеницы
Заходили волны в поле.
Луг, росой освеженный,
Заблагоухал цветами...
Как прекрасно все в природе!

Как бескрайна радость жизни!
И запели в ветках птицы
Все о том же, все о том же:
Как прекрасно все на свете!
Как всеильна радость жизни!
Ветер взвился над дорогой
Тонкой дымкой за повозкой,
И тащила в той повозке
Лошадь горе полевое...
Эх ты, горе полевое!
Эх ты, доля кочевая!
Сколько слез и сколько крови,
Сколько голода и муки!..
Но для нас это—былое
И ему возврата нету!
Мы—свободные цыгане—
Стали новыми, другими
В новой и счастливой жизни.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Ответ, пер. Вл. Бугаевского	4
Слово Сталина, пер. Семена Липкина	5
Пушкину, пер. Л. Длигача	7
Дугано, пер. Вл. Бугаевского и А. Тар- ковского	9
О коне, пер. Д. Бродского	36
Жизнь изменилась	42
Злая доля	44
Ночь темна. Холодный ветер, пер. Б. Турга- нова	52
Ганка	53
Улыбаюсь, вспоминая, пер. Вл. Бугаевского.	56
Кочевое горе (рассказ в стихах)	58

Редактор *В. Казин.*
Техредактор *Абакумов.*
Корректор *С. Лужецкая.*
Обложка *И. Целых.*

Сдано в производство 7-V 1941 г.
Подписано к печати 3-VI 1941 г.
Формат бум. 60×84.¹/₁₆ 2½ п. л. 40 000 зн. в п. л.
Тираж 5125 экз.

ФМ12148.

г. Орел, Комсомольская, 3. Гипография „Труд“.
Заказ № 7014.

ЦЕНА 2 р. 90 к.